

- сведчыць на карысьць пражывання на беларуска-літоўскім памежжы толькі балцкага, а не іншага, напр., германскага або паўднёвага (сармацкага) насельніцтва.
20. На думку П. Шафарыка, назвы населеных пунктаў у Жамойці тыпу Gudy, Gudiszki, Gudajcie, Gudirwie і інш. паходзяць ад готаў. П. Шафарык выказаў думку, што прусы і літоўцы замест імя "варэг" выкарыстоўвалі больш вядомае і звычайнае для іх "gudas". Гл.: Шафарык П. И. Указ. соч. С. 142.
  21. Драшкoўскі Н. піша: "Видимо, в бессознательном воспоминании народном оба эти имени являются синонимами, обозначающими один и тот враждебный литовцам воинственный народ готов – норманнов – варягов – русь". Гл.: Драшковский Н. К лингвистическому анализу имен, связанных с корнем „Рус“ // Записки Сев.- Зап. Отд. Имп. Рус. Геогр. общ.-ва. – Вильна, 1912. Кн. 3. С. 345.
  22. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej... s. 203. Пар., напр.: "Скупы, як той чужаземец". Гл.: Беларускія прыказкі, прымаўкі і фразеалогізмы. Склаў Ф. Янкоўскі. – Мн., 1962. С. 428.
  23. Czurak M. Komizm w białoruskiej prozie ludowej. – Wrocław etc., 1984. S. 70.
  24. Беларускія прыказкі, прымаўкі і фразеалогізмы. Скл. Ф. Янкоўскі. Выд. др., дап. – Мн., 1962.
  25. Найменнем гуды ў стражытнасці балты называлі готаў і, на думку К. Бугі, "пражываючых пад гоцкай уладай славян". Vide: Lietuvių kalbos zodynas. T. 3.

*Потолков Ю. В. (г. Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина)*

#### ИСПЫТАНИЕ «НЕМЕЦКИМ ЭЛЕМЕНТОМ»: ГЕРМАНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Россия и Германия в XX веке выступили как два потрясающих «персонажа истории», противоречия между которыми проявились в этот период не только в геополитической ситуации, но и нравственно-философской области. События второй мировой войны своеобразная «кульминация» обсуждаемого конфликта) воспринимаются сегодня как результат среди прочего духовного несовпадения «немецкого элемента» человеческой природы (рационализма) с «русским духом» (приоритетом чувства в мировосприятии). Характерно следующее наблюдение по этому поводу:

«Мужественно-волевой колорит германской саги и женственно-пластичный характер русской народной сказки, жестокий рационализм немецкой философии и религиозно-этический спиритуализм отечественной мысли, наконец, общеизвестные образы немца и русского в наших пословицах и в нашей классической литературе – всё это указывает на диаметрально различность архетипов русского и германства. Наиболее глубокие мыслители опознали в германском духе квинтэссенцию новоевропейской расхристанности и эгоистичности. Ибо дух германства сконцентрировал и заостренно выразил ту общую внутреннюю стихию европейского человечества, которая, по словам С. Н. Булгакова, определилась в своём отрыве от Церкви, в рационализации и механизации жизни, во внерелигиозном гуманизме и иссушившем христианство протестантизме. По мысли Вл. Эрн, теоретическое богоубийство, совершённое Кантом от лица классической немецкой философии, неизбежно привело к культуре посюсторонней силы и власти, к мечте о завоевании немцами всех царств земных. Пушкин Крупна, заключал Эрн, – материальное выражение кантовской философии» [1, 7]. Расовое учение, разгул вульгарного национализма в Германии 20-30-х годов XX века имели своим результатом произошедшее от этого государства инициирование мировой войны. Человекобод, рождённый гениальной мыслью Фридриха Ницше, сумел привлечь к себе симпатии не только немцев. Марксистское учение о классовой борьбе рождено не славянским менталитетом, да и сама Октябрьская революция 1917 года во многом была идейно связана с влиянием «немецкого элемента».

Тема идеологических взаимосвязей большевизма с рационалистической философией Запада сегодня достаточно подробно изучается, однако не она являет собою предмет нашего сообщения. Мы в данном случае обращаем внимание на моральные аспекты феномена, нашедшие своё отражение в художественной литературе.

В произведениях русского словесного искусства XX века, имеющих отношение к германской проблематике, уже нет тех индивидуализированных персонажей, которые XIX веке выражали особенности немецкого менталитета. Политизация социума привела писателей при разработке или темы «Россия и Германия» к отказу от деликатной углублённости в душу отдельной личности, от постоянной неповторимости состояния природы, духовного своеобразия того или иного эпизода в истории. Пришло время, когда предметом изображения стала гуманистическая позиция индивидуума как таковая, представленная в самом трагизме события. Примером такого эстетического решения может служить картина Пабло Пикассо «Герника» (1937 г.). На ней представлен мир, существующий в обстановке насилия (не только военного, но и духовного).

26 апреля 1937 г. древний испанский город Герника варварски разрушила германская авиация. Был использован метод, который позднее, во время войны США во Вьетнаме, назвали ковровым бомбометанием. Искусство восприняло произошедшее как реализацию односторонне механистического мышления в боевом действии. То есть само событие выступило актуальной для всего человечества персонификацией этико-философской драмы. Нам представляется знаменательным, что полотно Пикассо «Герника» размещено в одном из залов здания ООН в Нью-Йорке. Отметим, что само название «Организация Объединённых Наций» воплощает в себе мировоззренческое явление, непредставимое в предшествующие столетия.

Военные выступления Германии в XX веке давали повод для того, чтобы видеть особую роковую смысл в строке из стихотворения А. Блока «Скифы» (1918 г.):

И сумрачный германский гений.

«Сумрачность» проявлений «немецкого элемента» в новейшей истории порождала в русской литературе остро полемические мотивы. Бесчинства гитлеровских завоевателей на советской земле показывали, что одностороннее гиперболизирование логического начала в человеческой натуре приводит к искажению представлений индивида о понятиях чести и совести, к принижению личностью роли культуры в бытии, к криминализации общественного сознания. Собственно, в результате подобной мировоззренческой позиции личность исчезает как таковая. В одной из статей И. Эренбурга (от 20 сентября 1941 г.) представлен некий гитлеровский ефрейтор Беккер. О его духовном мире сказано: «Он никогда не слышал имени Гейне. Он говорит, что Гёте и Шиллер «чересчур трудны» для чтения. Читает он, по его собственным словам, только бульварные романы, добавляет: «Книги очень утомительная штука. Потом не интересно, когда другие врут». В его карманах нашли коллекцию порнографических открыток и словарь непристойных слов на французском языке».

XX век жил в условиях, когда предшествующие предчувствия, столкновения между двумя мировоззрениями воплотились в реальность мировых войн. Поэтому литература, касаясь обсуждаемой нами проблемы, действует масштабно, обсуждает явление глобально, старается увидеть в каждом из описываемых предметов архетипические истоки. В частности, прослеживает основные архетипы: матери, дитяти, мудрого старца. Все эти архетипы мы можем наблюдать в поэме П. Антокольского «Сын» (1942 г.).

Сюжетно поэма представляет собою риторическое обращение отца погибшего в бою советского воина к отцу немецкого парня, возможно, тоже павшего в этом бою. Отцы воплощают родительскую ипостась человеческой природы; они – осиротевшие мудрые старцы; погибшие сыновья – воплощение архетипического дитяти. П. Антокольский, можно сказать, поэмы не писал. Он, отец младшего лейтенанта Владимира Антоколь-

ского, павшего смертью храбрых 6 июля 1942 г., выплакивал свое горе. Позднее оказалось, что в этом плаче выразились чувства всего народа.

Обе стороны конфликта – два отца – выступают носителями кардинально противоположных мировоззрений: естественного и противоестественного. Владимир Антокольский до войны един с жизнью, с природой, с правдой бытия:

И мальчик рос. Ему ерошил кудри  
Весенний ветер, зимний – щеки жёг.  
И он летел на лыжах в снежной пудре  
И плавал в море – бедный мой дружок.  
Он музыку любил, её широкий  
Скрипичный вихорь, боевую медь (...)

Богатство чувств, проникновение в созидательные энергии природы, ощущение своей слитности с духовной сутью бытия – естественное состояние личности, именуемое счастьем. Всего этого нет в мире, где вульгаризированно понята рациональность подавляет любые проявления духовности. О предвоенном Берлине сказано:

Гигантский город видел я когда-то  
В зелёных вспышках мертвенных реклам.  
Он был набит тщеславием, как ватой,  
И смешан с маргарином пополам.  
В том городе дрались и целовались,  
Рожали или гибли ни за что,

И пели «Deutschland, Deutschland über alles!»

Всё это было лаком залито.

Свои художественные наблюдения поэт завершает образной дефиницией, подводящей нравственно-этический итог изображаемому:

Мой сын был комсомольцем.  
Твой – фашистом.  
Мой мальчик – человек.  
А твой – палач.

Итак, историческое развитие двух типов мирозерцания пришло к окончательному нравственному разделению: в годы войны противостоящие стороны разделились на людей и палачей.

С высоты нашей сегодняшней фактографической осведомлённости можно легко доказать историческую ограниченность обобщений, высказанных в поэме «Сын». Но сама попытка такого доказательства, как нам представляется, недопустима в нравственном смысле и контрпродуктивна по своему научному посылу. Естественно, к драме, которая постигла немецкую нацию в годы правления Гитлера, мы должны относиться с милосердным сочувствием. Именно этим чувством пронизана и поэма П. Антокольского. Сам приём условного разговора с неким страдающим от горя отцом немецкого солдата – тому свидетельство. Советский поэт, оплакивая гибель собственного сына, поднимается до высот апостольского служения всему человечеству.

Поэма «Сын» – выражение тоски XX века по общеспасительным моральным дефинициям, которые сумели бы гармонически соединить в себе рациональное и чувствительное, победительное и покаянное, неэластичное и пластичное. «Немецкий элемент» и «русский дух» из сферы образных фольклорных и литературных моделей перешли тогда в практику жестокой военной реальности. Эта практика отвела на второй план интонации аксиологического свойства. Встал вопрос не о взаимоотношении менталитетов, а о нравственных возможностях человечества вообще. Появляются произведения, где советские воины и фашистские захватчики

выступают с одинаковых нравственных позиций. Примером такого произведения может служить рассказ Вл. Тендрякова «Люди или нелюди» (1976 г.).

В рассказе утверждается, что один и тот же человек, вне зависимости от своих политических или гражданственных убеждений, вне связи с менталитетом, может в разных жизненных ситуациях выступать воплощением как добра, так и зла. Восемнадцатилетний немецкий новобранец Вилли с кухонным термосом по ошибке попал в расположение советских войск. К пленному юнцу солдаты отнеслись отечески, не увидели в нём врага. Но в определённый момент ситуация меняется. Освободив посёлок, участники сюжета наблюдают страшное: уходя, фашисты раздели донага советских разведчиков, облили их на морозе водой, создав, таким образом, трагические «колокола». Потрясённые солдаты предаются такой же смерти ничего не понимающего доверчивого Вилли. Предсмертный крик парнишки всю жизнь преследует рассказчика.

Описанный эпизод – не единственный в рассказе. Идёт речь о многих непонятных и необъяснимых проявлениях жестокости в человеке и человечестве. Например, осмысливается моральная атмосфера китайской культурной революции. Как мог этой древний и мудрый народ в одночасье превратиться в банду, громящую своих же интеллектуалов, свои же памятники старины? Так люди мы или нелюди? Несомненно, вопрос такого рода прозвучал в необходимое время и по серьёзному поводу. Творчество Василя Быкова освещено этим же вопросом. Об этом же пишет Чингиз Айтматов.

Факт, что две ужасающие войны, потрясшие XX век, были мировыми, как бы отодвинул локальную проблему германского и славянского менталитетов на второй план. А может быть, перевёл эту проблему на качественно новый, глобальный уровень. Обе сражающиеся стороны в литературных сюжетах оказываются перед необходимостью разрешать единую нравственную проблему жизни и смерти. Так, в повести В. Кондратьева «Сашка» (1979 г.) представлены духовные взаимоотношения между советским солдатом – рядовым Сашкой – и «языком» – пленённым немцем. Сашка ведёт фашиста в расположение части и при этом даёт немцу листовку, в которой сказано, что пленных в советской армии не расстреливают. Пленный не верит: «Пропагандэн...» Приведя гитлеровца, к комбату, Сашка вдруг получает приказ: «В расход!».

Внутренне поведение комбата понять можно: только что от немецкого снаряда погибла любимая женщина командира – военврач. Человек переживает горе потери. Сашке приказ выполнить необходимо. Ну а как же листовка? Есть приказ начальника, но есть и слово советского солдата. К какому из голосов прислушиваться? Писатель спасает своего героя: через некоторое время появляется комбат, сумевший взять себя в руки, и отменяет приказ.

Таким образом, русская литература XX века от проблем менталитета, то есть от гуманистических истоков идет к осмыслению их нравственных результатов. Сашке представилась возможность оказаться либо человеком, либо палачом. Пленный немец ощутил, что его жизнь зависит от множества явлений, напрямую с происходящим эпизодом не связанных. Почувствовал, что может быть расстрелян не только лично он, но и та идея, которая привела его (такого же «ефрейтора Беккера», о котором поведал И. Эренбург) на чужую для него землю.

В данном случае имеет смысл вернуться к рассказу Вл. Тендрякова «Люди или нелюди». Выводы, звучащие в этом произведении, во многом объясняют и то, о чём повествует В. Кондратьев в «Сашке». Рассказчик в «Люди или нелюди» замечает: «Благие призывы моралистов ко мне: совершенствуйся! Они давно доказали своё бессилие.

Мы все едино связаны друг с другом, жизненно зависимы друг от друга – в одиночку не существуем, а потому самоусовершенствование каждого лежит не внутри нас: мое – в тебе, твое – во мне!

Не отсюда ли должна начинаться мысль, меняющая наше бытие?»

Применительно к теме, обсуждаемой в нашем сообщении, приведенные слова из рассказа Вл. Тендрякова можно перефразировать следующим образом: самоусовершенствование человечества лежит не в каждом отдельном мировоззрении: «немецкий элемент» спасается «славянским духом» и наоборот. Заметим, кстати, что сама немецкая философия отстаивает подобные же мысли. Один из пронципальнейших германских философов XX века Освальд Шпенглер (1880-1936) в книге «Годы решения» видит ошибку фашистов в мировоззренческом изоляционизме: «Национал-социалисты считают, будто они в состоянии соорудить свои воздушные замки без остального мира и вопреки ему».

Идея о том, что человечество может выжить, только ощущая себя духовным единством (пусть даже единством мучительно противоречивым), всё более овладевает общественным мнением и соответственно, тематическим содержанием современной литературы. Подобная идея очевидна в романе Георгия Владимова «Генерал и его армия» (1994 г.). События этого произведения относятся к периоду Великой Отечественной войны. В один из моментов сюжета представлен гитлеровский генерал Хайнц Гудериан – командир 2-й танковой армии, которому предстоит совершить окончательный бросок на столицу СССР. Известно, что армия Гудериана под Москвой в декабре 1941 года потерпела поражение, за что генерал позднее был снят с должности и зачислен в резерв.

Г. Владимов высказывает свою версию поведения гитлеровского военачальника в этот момент. Пробует объяснить его причинами нравственно-психологического свойства. Командир 2-й танковой армии представлен в Ясной Поляне, сидящим за письменным столом Льва Толстого и читающим роман «Война и мир». Вникая в сюжет романа, захватчик начинает понимать, что причиной победы над Наполеоном в 1812 году стал не только полководческий гений М. И. Кутузова: разгрому противника содействовала среди прочих «сумасбродная графинечка» Наташа Ростова.

Гудериана потряс эпизод, в котором Наташа распорядилась сбросить с подвод домашний скарб с тем, чтоб освободившиеся телеги предоставить раненым русским офицерам. Генерал понимает: девушка поступает неразумно: ведь на подводах находились вещи, которые, по всей видимости, составляли приданое Наташи. Героиня романа, выходит, имеет какие-то иные, непривычные Гудериану, понятия о том, что в жизни разумно, а что – нет. Фашистский полководец понимает народ, столь близко принимающий к сердцу судьбу Отечества, непобедим. Перед генералом проходят образы старости Василысы, партизан Платова и Давыдова, Платона Каратаева, многих других персонажей «Войны и мира».

Гудериан о Наташе Ростовской и Наполеоне думает так: «А между тем, она объявила ему свою войну – и не легче войны Кутузова и Барклая». Поняв немецкий генерал, что после слов Сталина «Братья и сестры» Германии «противостояла уже не Совдепия с её усилением классовой борьбы, противостояла Россия». Размышления фашистского военачальника над романом «Война и мир» привели его к убеждению: Россия непобедима, и поэтому совершать бросок 2-й танковой армии на Москву бессмысленно.

Версия, предложенная Г. Владимовым, вовсе не претендует на логически доказуемую историческую достоверность. Упрощенно понятая фактография вообще никогда не была интересна художественной литературе. И тем не менее версия правдива и единственно возможна (если иметь в виду ее нравственно-философский смысл). Исторически очевидно, что «русский дух» проявлял себя всегда, когда над народом нависала угроза порабощения. Против захватчиков всегда выступала не только армия. Поднимался на борьбу весь народ.

Тему противостояния двух миропониманий Г. Владимов продолжает и в других эпизодах романа. В сюжете действует советский генерал Фотий Иванович Кобрисов. Он тоже представлен читающим. Предмет его чтения – сатирический философский роман французского писателя Мари Франсуа Вольтера (1694-1778) «Кандид или Оптимизм». Важен факт, что означенная книга создавалась в полемике Вольтера с рационалистической философией германского мыслителя Готфрида Вильгельма Лейбница (1646-1716),

который считал зло неотъемлемой частью мировой гармонии. Лейбниц создал концепцию теодицеи. Суть концепции – в оправдании любого зла, поскольку всё сущее – творение Божье. Свободолюбивый Вольтер, идеи которого во многом подготовили французскую революцию конца 18 века, отстаивает мысль о необходимости противостоять злу: «растить свой сад» в этом мире.

Про генерала Кобрисова в романе Г. Владимова сказано: «Он читал «Кандида» «неторопливо, вдумчиво и всё же не понял, почему из многочисленных злоключений героя следует вывод, что «всё к лучшему в этом лучшем из миров». Но венчающая фраза – «Нужно возделывать свой сад» – ему понравилась». «Всё к лучшему...» – мысль Лейбница; идея сада принадлежит Вольтеру,

Таким образом, в романе «Генерал и его армия» немецкий и русский «элементы» выступают как символы двух состояний духа: свободы и несвободы. Эти символы по своему нравственно-философскому смыслу выходят за рамки этнических менталитетов (недаром своеобразным «участником» мыслительного действия становится представитель иной, кроме двух национальных обсуждаемых культур, гениальный ум Франци). Подобное писательское решение случайным не представляется: проблема «Россия и Германия» сама по себе выступает знаком единства духовного пути человечества. Рациональное и чувствительное начала в общеземном менталитете присутствуют объективно и изначально. Дело человеческого сообщества – находить всё новые и новые формы гармонии между этими началами.

1. Булычев и. Ю. Метафизика войны и русская история // Москва. № 5. 1995. С. 7.

*Соботковская О. Н. (г. Брест, БГТУ)*

### **АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОПСИХОЛОГИИ: ИСТОКИ НЕМЕЦКОГО ХАРАКТЕРА**

«Истинный грек нам представляется оборотистым, турок – физически сильным. Англичане нередко упрекаются в своекорыстии и эгоизме, а немцы рисуются внушающими опасения своей дисциплиной и организованностью, трудолюбием и агрессивностью. К американцу француз испытывает двойственное чувство – уважает его энергию и упорство, завидует деловой хватке и богатству, но посмеивается над безнадежно провинциальной инфантильностью. В русских французы ценят то, чего не хватает иной раз им самим, – размах и широту сердечности и щедрость, выдержку и стойкость...».

Эти зарисовки представителей различных народов, лишь в определенной мере характеризующие их некоторые психологические черты и специфику отношений друг к другу, почерпнутые из рассуждений известного писателя И. Эренбурга, с одной стороны, интересны и поучительны, а с другой, – являются стереотипами, сложившимися в представлениях людей в результате общения и взаимоотношений с нами в тех или иных обстоятельствах.

Очень часто эти стереотипы не всегда точно соответствуют, а иногда и искажают действительность, поскольку в них отражаются чувства и отношения тех людей, которые воспринимают представителей других народов. Но во всех случаях они – результат межнациональных отношений, т. е. контактов и связей между представителями различных этнических общностей, без которых не может существовать человечество.

Психологию представителей различных этнических общностей изучают многие науки. Очень часто они допускают слишком вольное или просто неточное толкование собственно психологических феноменов. Кроме того, национальная психика людей должна изучаться и осмысливаться на основе психологических, а не каких-то других закономерностей.